

Веб-журнал "Европейская Афиша" №12 14/12/2012– www.afficha.info

«Вий-царь земли» Влада Троицкого или опыт украинской мифологии.

Екатерина Богопольская

В театре de la Ville прошли гастроли украинского театра «Дах».

В отличие от «Короля Лира», старого спектакля из репертуара «Даха», «Вий-царь земли» был поставлен Владом Троицким в мае этого года в театре Vidy-Lausanne и в нем, помимо даховцев, принимают участие также два швейцарских актера. Спектакль идет на французском и на украинском, без субтитров. Напомним, что эта современная вариация на тему гоголевской повести «Вий» продолжает цикл Влада Троицкого «Украина мистическая».

Вий - дух, несущий смерть. У него огромные глаза с тяжелыми веками, открыв которые Вий убивает своим взглядом. Влад Троицкий рассказывает, что хотел назвать спектакль - «царь мертвых», каковым Вий является в украинской мифологии. Но дирекция театра Vidy посчитала более подходящим для швейцарцев название «царь земли». Как в нескольких словах выразить смысл сегодняшнего обращения к «Вию»? «Меня интересовал конфликт между урбанистическим сознанием европейца и архаическим мистическим сознанием украинца. При этом непонятно, где больше правды жизни», - добавляет режиссер (см. видеointerview). Итак, два швейцарских студента решили поехать на каникулы в Украину, так как предки одного из них - украинцы. Троицкий перенес действие из киевской области в Карпаты, более архаическую, более мистическую землю. Где и происходят встречи с ведьмами и всякая другая чертовщина. Где много пьют. Вероятно самогон. А еще истово верят в Бога. Но и в черта и прочую нечисть тоже.

С колосников угрожающе свисают незакрепленные стволы деревьев. Планшет

сцены покрыт древесной щепой. В полутьме среди стволов угадываются силуэты в овчинных тулупах, но без голов. Так начинается пространство заколдованного леса, другого мира, куда попадают двое студентов. Онирические картинки подпитываются пением и музыкой мистического звучания «этнохаос» группы ДахаБраха, что на староукраинском, как объясняет Влад, означает Давать и Брать. (Но все равно невозможно не услышать в этом слове парафраз с Брахмой). Причем участники ДахаБрахи – не отдельное образование, а составная часть труппы театра, певцы, музыканты и актеры одновременно.

Музыканты располагаются на двух помостах по бокам сцены: виолончель, аккордеон, скрипка, кажется джамба и какие-то другие экзотические музыкальные инструменты. Музыкальное сопровождение базируется в основном на украинском мелосе, но также на обертонах традиционных японских барабанов, ритуальных ритмах Африки и других этносов.

Устроившись на привал посреди леса, студент, назовет его для краткости студент-украинец (в программке не указаны имена персонажей) рассказывает другу сюжет гоголевского «Вия», который вызывает у того лишь усмешку: назовусь-ка я тоже Хома Брутом. А дальше по пословице: назвался груздем, полезай в кузов. Швейцарец «Хома» (Пьер-Антуан Дюбе) неожиданно-негаданно попадет точь-в-точь в такую историю, как гоголевский Хома. Итак, герои-европейцы встречают на своем пути таинственную украинскую деревню, где говорят на непонятном языке: спектакль идет без субтитров, поэтому для зрителей, также, как и для студента, то о чем говорят, оставалось бы загадкой, если бы студент-украинец (актер Бартек Созански) исправно не переводил до поры до времени все своему приятелю, и соответственно, публике. Изрядно подгулявшие хлопцы рассказывают заезжим иностранцам историю деревни. Вот, например, проживает у них баба-ведьма, которая никак не может умереть, так как перед смертью надобно ей назначить себе преемницу. Но выбранная панночка отказывается принимать ведьмино наследство, что грозит немалыми неприятностями местным жителям. Пока суд да дело, появляется местный Юродивый, которого приковывают, как бы чего не вышло, цепью к колу. В этот момент в действие входит веселая украинская свадьба, увлекающая в свой круговорот наших студентов. Замуж выходит как раз та девица, на которую указала ведьма.

Дальше начинается настоящее бесовщина. Или, как говорит сам Троицкий, здесь происходит встреча европейского сознания с тем, что выше рационального понимания.

Очень красивая сцена ритуального погребения ведьмы (обрядовые игры у Троицкого всегда серьезны) превращается в ритуальное же действие обряжения и помазания новой ведьмы. Отчего девица изменило решение неясно, зато помазание здесь происходит в прямом смысле слова: сначала ее раздевают догола, а потом покрывают тело черной глиной. Тут пространство ведьминское как будто расширяется, в зал выходят девки с колотушками и начинают ритмично отбивать такт. В этот момент на панночку и «западет» приезжий студент, да так, что ни людям, ни бесам не оторвать. И вот уже влюбленный Хома отправляется вместе со своей ведьмой не то в преисподнюю, не то в райские кущи: здесь онирические визуальные картинки и ритуальные песнопения сопровождаются криками студента на французском о его безудержной страсти к панночке, тогда как на другом конце сцены то и дело вступает в действие Юродивый на цепи. Впрочем, его возгласы на украинском оказываются в прямом смысле слова доступны только избранным. Ритуальное действие, сложно организованное, завораживает, здесь все кажется, подлинное, что еще больше подчеркивает прямолинейность монологов двух главных героев на французском. (Остальной текст уже переводится как-то выборочно, урывками).

Тут самое время сделать маленькое отступление и вспомнить об авторе этой пьесы. Если верить тому, что слышишь на сцене, или высказыванию самого режиссера, то авторов несколько. В самом деле, в интервью «Европейской афише» режиссер рассказал, что пьеса была заказана украинскому драматургу Наталье Ворожбит и Климу. Если верить программке, то это только Клим. В приложении - биография Клина, режиссера и драматурга Владимира Клименко(1952), справедливо и совершенно заслуженно введенного в западное сознание и названного «одной самых значительных фигур в российском театре». Все-таки, мудрец и философ театра Клим – еще и учитель Троицкого, ему положено. И родство с Климом, конечно, считается в режиссерском почерке Троицкого, хотя бы понимание театра как ритуального возвращения к истокам, ориентация на архаические, чистые (в смысле от иронии постмодернизма) духовные практики. Тем не менее. Нельзя же, в самом деле, приписать одному из самых сложно мыслящих авторов современного постсоветского пространства наивную драматургию этого разностильного попури с фабулой Натальи Ворожбит (пьеса ее под названием «Вий» доступна в интернете), дополненной вставками от режиссера, отблесками гоголевского сюжета и все вперемешку с бытийственными высказываниями самого

Клима, вложенными то в уста Юродивого, то старшей ведьмы. (Сцена между Юродивым, которого убаюкивает деревенская ведьма, она же что-то вроде вечной Евы, выстраивается в отдельный сюжет).

Дальше в спектакле, как и положено Хоме Бругу, студент обвиняется в убийстве панночки и должен три дня читать над покойницей молитвы. Тут на заднике появляется наивно расписанный иконостас, а на сцене - священник с кадилом, крестовый ход, религиозные песнопения. Потом в иконостасе вместо икон запыляются костры, завоет снежная вьюга в сценах призывания Вия – в последнюю ночь место Хомы в церкви занял друг, потому что «здесь его земля, его предки», и ему надо с этим наследием в себе самом разобраться. Вия мы так и не увидим. «Бога нет»- будет кричать на разных языках Юродивый. Метафизические тексты об Адаме и Еве и изгнании из рая, от Клима, и почти без перевода, разбиваются тривиальными французскими текстами героев-европейцев. То о любви к женщине, в данном случае к ведьме-украинке, которая заменила Бога (особенно впечатляют мелодраматическими стенания Хомы: «если ты перестанешь думать обо мне, я окажусь в аду», «Жизнь - «танец смерти» посреди страстей¹»), то о невозможности веры и молитвы для внука «некогда живших здесь сильных духов воинов», с неизменными патетическими возгласами типа «почему Бог покинул меня».

В спектакле Троицкого наивно воспевается мистическая украинская глубинка, перемешавшая языческие поверья и веру в христианского бога. В финале, как кажется, христианские мотивы явно берут верх -- на сцене пафосно читают настоящий молебен во славу Всевышнего, Юродивый выкрикивает слова молитвы «святой Боже», подхваченной священником и хором. Но и молитва в какой-то момент опять перебивается старыми языческими ритмами.

Французский зритель выходит со спектакля растерянный (ему мало что понятно в сложной вязи спектакля, да еще без знания украинского), но, несомненно, потрясенный. Если цель режиссера ввести зрителя в некий эмоциональный транс («восприятие – прямой контакт сердцем, без включения аналитики»), то она блестяще достигнута. Публика не может не чувствовать пассионарный заряд театра, созданного Владом Троицким. Как заметила обозревателю театральной газеты «Un fauteuil pour orchestre»: «я никогда еще не любила так то, что мне совсем не нравится» (Je n'ai jamais aimé autant quelque chose que je n'aimais pas). И заключает: «в финале мои руки бурно аплодировала почти помимо моей воли» .

Примечание. Нет никакой возможности назвать имена исполнителей тех или иных ролей, кроме двух швейцарцев, потому что в программке, как это часто бывает во Франции, действующие лица не указаны.

Crédit photos Théâtre de la Ville

---

¹ Цитирую по памяти.